

Владимир Петровский

Пильпанг

Владимир Петровский

Пильпанг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615962

ISBN 9785448354564

Аннотация

Пильпанг – это некий мир, с которым наша реальность соединена через виртуальное пространство. Однажды, в результате небрежности, происходит контакт двух миров, что может привести к межпространственному катаклизму. Роман-фантазмагория, захватывающее приключение, написан в необычной, местами в гротескной, фарсовой манере.

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	11
5	13
6	16
7	18
8	21
9	28
10	35
11	41
12	49
13	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пильпанг

Владимир Петровский

© Владимир Петровский, 2017

ISBN 978-5-4483-5456-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Тьма вокруг Торпина сгустилась. В шаге ничего не видно. Осторожно ступая, он шел через поле к приготовленному лазу. Босые ступни утопали в траве. При дневном свете эта трава была серой, в сумерках – черной. А сейчас – вообще никакой.

Такая тьма не могла быть случайной.

Поправив перекинутый за спину нож на ремне, он забрался в лаз, ощупал земляные стены. Нашел тайник, руками разрыл его и вытащил замотанную в тряпки вещь Хозяина. Осторожно разложил тряпки на коленях, ощупал вещь. Как обычно, после нескольких неуклюжих нажатий, сделанных наугад, она засветилась.

Со светящейся вещью Торпин умел обращаться. Теперь он ждал, когда будет звук. Вещь чуть мигнула и мягко прозвучала. Торпин радостно оскалился.

Теперь лаз был готов. Сев в полной темноте на пол, Торпин запел – так, как делал раньше по приказу Хозяина. Только сейчас он пел тихо, чтобы никто не услышал.

На пол перед собой он кинул украденные у Хозяина слитки и камни. Смысла их он не знал, но поступал сейчас так, как был обучен. Что петь, он тоже помнил хорошо. Закрыв

глаза и видел себя таким же, как Хозяин. Пел долго и старательно. Раньше, когда он делал это по приказу, все получалось. Пропев, что было нужно, Торпин долго еще сидел за-жмурившись.

Потом решился и посмотрел.

Было все так же темно. Он озирался, продолжая сидеть неподвижно. Но вдруг ощутил, что пол под ним уже не земляной. Этот казался жестче и теплее, чем земля в лазе. Ощупав его рукой, Торпин убедился, что находится в добротном сделанном помещении. Он встал, осторожно прошел туда, откуда тянулся слабый свет. Там было окно.

Он выглянул. Лес, ночное небо над верхушками деревьев усыпано звездами. Торпин уже видел похожие, поэтому заподозрил, что попал сюда не впервые. Это можно было проверить. Пройдя в угол комнаты, он нащупал рукой, а потом приоткрыл потайную дверцу, за которой, если он прав, должен находиться...

Да, точно. Из приоткрытой щели лился свет, голубоватый, ни на что не похожий, наполнивший сразу почти всю комнату. Торпин достал из-за дверцы светильник и поставил его на длинный, тянущийся почти через всю комнату, стол. Вот куда он попал: это один из домиков Хозяина, выход из лаза.

Что находится снаружи, Торпина теперь не слишком заботило. Главное, что Хозяина сейчас тут нет. А людей наверняка удастся добыть. Их везде полно.

И он вышел на крыльцо, а потом не спеша, озираясь углубился в ночную темноту, где шумели листвой деревья на ветру, а на звездное небо наплывала огромная туча. Она несла с собой брызги дождя и такой же густой мрак, какой был, там, в Пильпанге, откуда Торпин совершил свой побег.

2

Танька Весельчук еле сдерживала слезы. Здесь, в темноте, в этом не было такой необходимости, но расплакаться значило признать поражение, что было невозможно. Она уже привыкла сознавать себя заметной фигурой, членом сборной. А тут позор, да и не только позор, а какой удар по карьере. Сколько лет загублено!..

К горлу опять подступили рыдания, и она, чтобы отвлечься, послала Кедр рысью, потом еще прибавила и некоторое время ехала по белевшему в темноте пыльному проселку, ни о чем не думая. Ветер становился все сильнее, лес угрюмо шумел, и где-то там, во мраке, с треском обломился и долго падал сухой сук.

Деревья возвышались с одной стороны проселка, с другой было поле. Из-за леса ползла туча, черная и тяжелая. Страшно было бы здесь одной, подумала Танька. Если бы не Кедр. На нем она чувствовала себя почти в безопасности.

В этот момент она увидела впереди, на дороге, темную фигуру. Первым движением было принять в сторону и объехать, но уж очень подозрительно выглядел неподвижно стоявший на дороге человек. Здесь, на краю леса, ночью. И Танька свернула с проселка в поле, хотя пришлось перевести Кедр на шаг. В темноте тут и канавы не разглядишь.

Проехав немного, она посмотрела в сторону неизвестно-

го. И похолодела от страха: пригнувшись, темная фигура мчалась ей наперерез уже по полю, стремительно и совершенно бесшумно.

Повернув еще раз, она поехала теперь уже в обратном направлении, обернувшись и следя за преследователем. Все так же длинно и неслышно прыгая, он огибал ее в темноте, заходя наперерез.

Танька снова пустила Кедр крупно́й рысью, но что-то в движениях коня показалось ей не так. Очень даже не так. В другое время остановиться бы, слезть, посмотреть... Но сейчас она подняла его в галоп, шепотом попросив прощенья, выскочила на проселок и собралась прибавить, как вдруг Кедр закинулся вправо, почти сев на задние ноги, а перед ним возникла темная и страшная фигура, растопырив руки и так выпучив глаза, что даже в темноте белки заметно светились, непонятным образом парализуя и всадницу, и коня.

3

Надо было спешить. Торпин поставил зверя у крыльца, а человека занес в дом и положил на стол. Быстро осмотрев его, он убедился, что это накопительный вариант. С завистью посмотрел на заметные даже под одеждой рабочие выходы такой необходимой для него системы раздвоения. У Торпина ничего похожего не было. Обделил его Хозяин.

Он сверкнул глазами и начал поиск. Нужен второй вариант, активный, в комплект к этому. Тогда возникнет полнота энергии, необходимой Торпину для выращивания системы в себе. Своей.

Вращая глазами, он старательно искал. Захрапел зверь у крыльца. Торпин с удивлением убедился, что тот относится к недостающей половине, но тут же, повнимательней сравнив излучение, понял, что зверь для его целей не годится.

И вдруг он ощутил то, что хотел. Положив руку на энергетический выход канала лежащего человека, другую он вытянул в направлении, откуда звучала нужная вибрация. После чего, поточнее определив расстояние до объекта, двумя крупными прыжками выскочил из дома.

4

Аскет выглядел угрюмым, но только со стороны. Просто он задумался, обнаружив пропажу минералов. Вышло так, что сделал это новый пин, выращенный аскетом недавно для разведки грубых пространств.

Глупое существо не знало, что минералы для каждого путешествия нужны разные, и, взяв первые попавшиеся под руку, отправилось наугад. Поэтому, найдя тайный лаз, Аскет не стал трогать беспорядочно лежащие слитки и камни. Только через них теперь можно отыскать пина.

Сама по себе попытка бегства была случаем вопиющим. Поэтому Аскет сел на свое любимое место в углу и задумался о причинах, без понимания которых гоняться за вышедшим из подчинения пином в огромном чужом пространстве было бы бесполезным занятием.

Так прошел день.

На пороге ночи Аскет шевельнулся и вздохнул. Чувство легкого сожаления, возникшее было во время размышлений, когда причины открылись ему, это чувство было вполне преодолимо. Но Аскет подержал его в себе еще немного, словно бы наблюдая отблески полужатухшего костра. И затем спокойно загасил.

Пора была действовать. Глупый пин натворил безобразий в чужих землях, в этом можно не сомневаться. Но теперь, ко-

гда причины поняты, развитие конфликта прекратится. Теперь надо лишь убрать последствия. Хотя и это потребует немалых усилий.

Аскет понял, чего хочет пин. Тот был бесполом. Аскету не нужна была его самостоятельность, поэтому он закрыл канал воспроизводства, но достиг обратного. Законы мировой гармонии непреодолимы. Он ошибся и теперь признал это. Сказав «нет», в ответ получишь только «да». Все остальное существо пина, созданное подобным человеку, потребовало недостающего. Первой заговорила зависть. Такая же бесполоая, как пин. И такая же глупая. Она заменила ему канал, и теперь он хочет большего. Того, что ему не дано. Как насекомое, стучащее лбом по стеклу, за которым зима.

И еще одно понял Аскет во время погружения в себя. То, что и вызвало легкую печаль. В побеге пина виноват он, и только он. Сделав это существо отдаленно подобным себе, чего было не избежать, он и примитивный ум его тоже уподобил своему. А значит, выходка пина по имени Торпин является зеркальным отражением его, Аскета, поступков. Его тяги знать и видеть то, что не дано ему высшим существом, которое теперь ждет от него выводов и решений.

И Аскет преодолел в себе тягу путешествовать по далеким пространствам. К ночи он уже стал другим. Но оставалось последнее из путешествий: отыскать Торпина.

5

Аскет сел перед минералами и затянул священный звук. Потом замолчал, погрузившись в неизвестную тьму, где растилась поле, белел проселок, тянувшийся вдоль кромки леса, а лес тяжело шумел, потому что на него напозала огромная туча и летели уже первые холодные брызги дождя.

По полю скакали всадники. Они за кем-то гнались, но Аскета интересовало другое, поэтому он, пригнувшись к траве, посмотрел вокруг. И увидел Торпина. Глупая тварь неслась большими прыжками за крайним из всадников, который его не замечал, и уже почти догнала. Аскет нахмурился, сразу поняв, что пин успел кого-то захватить. Эта азартная мысль окружала его облаком, он гнал ее перед собой, словно волну перед носом лодки.

Войдя в ум Торпина, Аскет вынудил его бежать не быстрее лошади. Потом посмотрел, чего тот хочет. Оказалось, что пин искал пару для захваченной добычи. Аскет увидел лежащую на столе женщину. Перевел внимание на преследуемого Торпином всадника. Тот не имел связи с воспроизводящим каналом женщины. А настоящей ее пары здесь не было. Значит, для тонкого взаимодействия этот всадник не годился.

Пин не мог этого знать, он почувствовал отдаленное подобие и решил, что его достаточно. Ведь это был просто пин.

Тут внимание Аскета снова привлекла женщина на столе. Он ощутил опасность и, присмотревшись, понял, что подошел сюда вовремя. Женщина была уже растянута во времени и находилась одновременно и здесь, и в поле с серой мокрой травой, и еще, пока что совсем немного, в городе, который Аскет хорошо знал, потому что это был Пильпанг. Глупый пин втащил ее в лаз, чего нельзя было делать с людьми без особых мер предосторожности, и теперь дыра забирала женщину к себе – туда, откуда пришел пин.

И сразу же, почти без перерыва, он увидел изгиб синусоиды времени, который стремительно приближался. Это было самое серьезное. Если бы не женщина, Аскет успел бы перехватить Торпина и ликвидировать конфликт. Но женщина тогда погибла бы, а это породило бы последствия неизмеримо более далеко идущие. И он помог – вытянул ее из Пильпанга, стер серое мокрое поле из памяти и распределил силы так, чтобы опасность отступила.

Но из-за этого ничего больше не успел. Сторонним зрением он наблюдал, как неразумный Торпин почти догнал всадника и прыгнул, задев ноги его лошади. Та оступилась и захромала. Единственное, что удалось тогда Аскету, это послать всаднику мысль изменить направление движения и куда-нибудь свернуть. Тот направил коня на один из небольших холмиков поблизости, забрался на него в несколько скачков, и в этот момент синусоида времени, изогнувшись, настигла их всех.

Люди этого пространства ее даже не заметили. Они просто продолжали жить, как жили раньше. Оказавшийся на вершине неудобного холма человек с досадой огляделся, ища способ спуститься, и, не найдя, воскликнул:

– Бугор на бугре!.. Ну вот чего полез?..

И тут для Аскета вся картина пропала, потому что всадников, а вместе с ними и Торпина, успевшего сильно вмешаться в этот временной эпизод, синусоида унесла прочь.

Аскет казался рассерженным, хотя был просто погружен в размышления. Выходило так, что ждать нельзя, потому что на следующем изгибе синусоиды, через годы, все эти люди неизбежно окажутся вновь вместе, и Торпин тоже будет там, с ними. Но, в отличие от людей, которым предстояло прожить весь этот промежуток в обычном времени, пин окажется там сразу, в азарте охоты и мыслях о свободе. Ведь ничто другое не связывало его с этим пространством.

Последовать за пином Аскет не мог. В этом случае контроль за ситуацией был бы потерян. Оставалось хитрить. Он знал, что Торпин существо хоть и не жестокое, но глупое, другой природы, и людей не понимает, а значит, в хрупком материальном пространстве наломает все-таки дров.

И Аскет решил искать следы Торпина на нейтральной территории, называемой «не здесь и не там». В поле с серой травой.

6

Танька очнулась лежащей на столе – так, будто ее съест собирались. Будто у людоеда в сказке. Чувствовала она себя очень даже нормально, даже очень. Хотя ничего не помнила – ни как здесь оказалось, ни что это за комната с длинным столом и таинственным светом непонятно откуда. Испуганно оглядевшись, она соскочила на пол, быстро обошла помещение, нашла дверь. Толкнула ее плечом и выбежала прочь.

На крыльце у нее закружилась голова. Танька постояла немного, держась за дверной косяк, и вдруг услышала шорох, треск сучьев и чьи-то шаги. Вздвогнув, она повернулась в направлении звука. Из темноты леса кто-то приближался. Она уже готова была бежать обратно в дом, как вдруг человек заговорил.

– Простите, – сказал он. – вы не подскажете, как тут проехать к дому отдыха? У нас машина застряла, там вон, на дороге...

Этот обыкновенный вопрос прозвучал сейчас неожиданно зловеще, хотя какая-то туристическая база и впрямь была неподалеку. Танька хотела показать в ту сторону, но, повернувшись к дому, откуда только что выбежала, увидела полуразвалившийся сарай с дырявыми стенами, выбитой дверью и черным провалом единственного окна. Вскрикнув, она кинулась прочь, и снова закричала, потому что черневшая сбо-

ку масса кустов вдруг задвигалась, затопала и заметалась.

– Кеша! – крикнула она, еще не веря с перепугу, но надеясь, что это Кедр.

Это точно оказался он. И Танька, трясущимися руками отвязав повод, закинула его на шею коня, толкнулась ногой от стоявшей рядом колоды и, не глядя на человека из леса, начавшего снова что-то говорить, запрыгнула в седло. Кедр, которого она слегка задела при этом шпорой, вздрогнул, присел и сразу поднялся в галоп.

Через много лет после этих странных событий Татьяна Вельчук, женщина уже в годах, серьезная и умная, проводила у себя дома сеанс целительства. Пациентом был человек по фамилии Умрихин. Прислала его жена, посещавшая Татьянины лекции по метафизике исцелений. Поэтому Умрихин, хоть и оказался тут впервые, был воспринят Татьяной как человек вполне подготовленный, если не сказать свой.

И когда, полежав некоторое время спокойно, он вдруг дернулся и заорал, то немало этим Татьяну озадачил. Она не видела поводов так орать. Все шло нормально.

– Что случилось? – мягко спросила Татьяна, хотя поначалу от неожиданного вопля вздрогнула и отпрянула назад.

– Дуга времени, – сказал Умрихин. – Дуга времени замкнулась.

– Что за дуга?.. – спросила Татьяна, внимательно глядя на него.

Умрихин морщил лоб, ища слова, чтобы объяснить неуловимое нечто, привидевшееся ему на Татьянином диване в то время, когда она чистила его энергией с мантрой «Пильпанг». Энергию эту показал ей сам Умрихин, когда она в короткой медитации перед сеансом спросила его тонкую сущность, чем лечить. Сущность и показала, и мантру назвала. И янтру выставила – загогулину вроде подковы на квадра-

те. Татьяна никогда прежде такого не видела и не слышала, но энергия шла мощная. Убедившись в этом, она пустила ее по нуждавшимся в чистке тонким каналам Умрихина, и все шло хорошо, пока он вдруг не закричал по-кабаньи, с визгом. Сеанс пришлось прекратить.

– Я... я увидел странное явление, – заговорил Умрихин, и Татьяна на всякий случай, осторожничая, послала в пространство мысль, что непроверенными энергиями больше пользоваться не будет, ошибку свою уже поняла и просит извинений. – Трудно объяснить. Это похоже на волнистую линию... на синусоиду. У нее все верхушки – части одного... ну, события, как бы. Эпизода. Как если наш с вами разговор разделить на части и растянуть гармошкой. Вот тут я пришел и поздоровался, через неделю еще раз пришел и вы меня на диван кладете, а еще через день снова пришел и вот мы говорим... Не одним действием, а как бы... частями.

Он при этом старательно отмерял в воздухе руками: тут это, тут то. Татьяна, не привыкшая слышать от пациентов что-либо кроме жалоб, сочувственно кивала, не вслушиваясь в слова.

– И вот теперь... сейчас. Появился кто-то из прошлого. Из того эпизода, который мы сейчас, вот здесь, продолжаем. Он опасный и чего-то хочет от нас...

– Что же мы можем с вами продолжать?.. – Татьяна засмеялась, демонстрируя этому человеку, как надо относиться к собственной мнительности. – Я ведь вас впервые сегодня

увидела. Вы, наверно, просто заснули, и вам приснилось... А!.. Я все поняла. Вы наверняка любите на компьютере играть. Только не возражайте, мужчины все охотно в это играют. У меня сын занимается компьютерными играми, профессионально, поэтому я в таких вещах разбираюсь. Кстати, если вам что-нибудь нужно в этой области...

– Но я же ясно видел... – перебил ее Умрихин, не хотевший так просто признать ошибку.

– То, что вы сказали, похоже на эпизод игры, – твердо продолжала Татьяна, по многолетней привычке не слушая, а объясняя. – Вы даже слово это сами назвали: эпизод. Не волнуйтесь, никакие опасные люди вам не угрожают. А сеанс мы продолжим в следующий раз... Когда эта ваша дуга позволит.

Она снисходительно улыбнулась. Татьяна была опытным целителем и знала, что позволять пациентам садиться себе на шею нельзя. Это такая публика – только и ждут, на кого бы стряхнуться. Посмотрев на всякий случай еще раз тонкие оболочки Умрихина, она ничего особенного не нашла. А мысль об игре все отчетливей оформлялась в ее уме. Причем игра была не просто игра, а как бы с большой буквы – Игра. Почему, Татьяна понять даже не пыталась, просто словно бы видела эту заглавную букву, и все тут.

8

Медлительный Умрихин хотел рассказать ей, что там, на диване, очень ясно вдруг вспомнилась ему одна ночь, когда у него сломалась машина и он искал дорогу... Однако Татьяна так быстро выпроводила его, назначив день следующего сеанса, что только оказавшись на улице он понял, что разговоры на сегодня закончены.

Но воспоминание было очень ярким и не хотело забываться. Это случилось давно, еще в Союзе. Он тогда только женился, вез жену в дом отдыха на три дня. А машина сломалась. В лесу. Они простояли полночи и уже собрались ждать утра на дороге, но ему привиделся какой-то свет в лесу, и он пошел спросить дорогу. Там был дом, из которого вдруг выбежала женщина, увидела Умрихина, но на его вежливый вопрос испуганно закричала, вывела откуда-то из кустов большую лошадь и ускакала. А дом, что и было самым подозрительным, при ближайшем рассмотрении оказался необитаемой развалюхой.

Вот и все, что привиделось ему на диване, да еще эта дуга времени, будто сейчас наступило продолжение той ночи.

Шел холодный осенний дождь. Наступил вечер. Стемнело. Большая досада овладела Умрихиным. «Невежливо», – думал он про Татьяну, шагая по пустой улице к метро. – «Она, конечно, женщина умная... Но могла бы и дослушать.

Я-то ведь никогда в эти компьютерные игры не играл, не права она. Как она лечит с таким невниманием к людям?.. Эх, жлобские времена! Даже целители, люди утонченные, и те думают лишь о деньгах... А я?..»

И мысли его перескочили на самое наболевшее. Умрихин считал себя художником, по образованию был филолог, а работал менеджером по продажам бюстгальтеров в мелкой, еле сводящей концы с концами фирме, постоянно копя обиду за это на всех.

«Чем приходится заниматься! Даже я!.. Я, с моими мозгами, вынужден...»

– А чего у тебя такое с мозгами-то? – спросил кто-то рядом. – Вроде, мозги как мозги.

Умрихин дико оглянулся. Рядом привиделось ему существо, имевшее совершенно неподобающий для московских улиц вид. Это был верзила, одетый то ли в шкуры, то ли в какой-то балахон. Словно сошел с картинки в комиксах, которые издавало такое же мелкое, как их тряпичная фирма, издательство, помещавшееся в том же подвале.

– Только не спрашивай, кто я, – предупредило существо непонятно как, голос его звучал словно в самом Умрихине. – И чего мне надо, тоже не спрашивай.

– Ты кто? – спросил тут же Умрихин, от испуга потерявший способность думать. – Что тебе надо?

Дальше он хлопал глазами, озирался, всматривался и в себя, и вовне. Существа нигде не было.

После взрыва разнообразных мыслей и догадок в уме Умрихина осталась лишь одна, но правильная: «показалось». Беспреданно оглядываясь по сторонам, он дошел до метро, где было светло от огней и людно. Здесь ему стало полегче.

В вагоне еще один раз показалось лицо того, в шкурах – он смотрел из туннеля сквозь темное стекло, в котором отражался Умрихин, державшийся за поручень. Но Умрихин повернулся в другую сторону, да еще и подумал спасительное «ты кто?» И существо снова исчезло.

Медлительный сорокапятилетний Умрихин был женат на такой же филологине, как и он. Но жена, в отличие от него, могла позволить себе работать почти бесплатно в институте Мировой литературы, поэтому была свободна от Умрихинских тяжелых мыслей и всем, в общем, довольна. Она была моложе мужа, подвижна, симпатична. Будь на его месте человек легкого характера, он бы считал, что с женой повезло. Умрихин же мучительно ревновал. Ему все было в тягость.

Поужинав, они легли спать. Отвернувшийся к стене Умрихин слушал, как ворочается рядом жена, и злобно думал о ее работе. Умные речи, профессора... Он бы тоже работал там, если бы не новая реальность в стране, требующая заработков, заработков...

Жена ворочалась, возилась, елозила. «Да что это она», –

подумал Умрихин, и вдруг услышал шепот и смешок. Это был ее голос. Внутри у него все куда-то ухнуло, а волосы зашевелились на голове. Напружинившись, он осторожно повернулся.

На его жене кто-то сидел. Она лежала на спине, а он на ней сидел. И она с ним говорила ласковым шепотом, а он... Что он выдвигал руками с ее грудью, Умрихин не столько увидел, сколько догадался. Близкий по состоянию к приступу, готовый убить, он приподнялся на локте и вдруг узнал... нет, ему показалось, что это вновь тот самый, с улицы.

Открыв рот и еще не зная, что скажет, Умрихин так и застыл. На жене никого не было. Повернувшись к нему, она удивленно спросила:

– Ой, а как это ты?.. Вдруг там оказался...

И, поскольку Умрихин, полный дрожи в конечностях, не двигался, протянула к нему руки и привлекла к себе, говоря:

– Какой ты сегодня... Не узнать прямо.

Следующие полчаса Умрихин продолжал дело, начатое неизвестным, и смог внушить себе, что кошмар только показался. На самом деле он знал, что не показался, но такую мысль нутро не принимало. Показался. Из-за диких мыслей Умрихин был неповторим. Жена восторгалась.

Упав на спину, Умрихин смотрел в потолок, приходя в себя и собираясь логически порассуждать и найти причину. И вдруг услышал удивленный голос жены, ее смех и ласко-

вый шепот. Посмотрев в ужасе в ее сторону, он вновь обнаружил ту же картину. На ней сидела какая-то сволочь и гладила грудь, а жена щебетала, судя по интонации, безмерно радуясь.

Времени думать не было. Умрихин кинулся отнимать то, что считал своим, и упал на обнаженное горячее тело, а ее пальцы вплелись в его волосы и тянули, привлекали к себе, торопя и подбадривая.

Сам не зная как, он дал ей все, что мог, и даже больше, чем обычно. Упал на спину рядом. Теперь он уже предвидел дальнейшее, и не ошибся. Жена радостно и удивленно смеялась, а на ней сидело это чудище и лазило руками везде, куда даже и Умрихин никогда не забирался.

Стиснув зубы, он кинулся вновь на поле битвы. Теперь ему показалось, что пришлось столкнуть кого-то плечом, но сил и времени на обдумывание не было. Жена была как вулкан – раскалена и открыта для объятий. Умрихин упал в нее как шкурка себя самого, и она поглотила его и выплюнула обратно в таком состоянии, что даже головы повернуть он, как ему казалось, не сможет, приведись еще соперничать с незнакомцем.

Однако, смог. Тот сидел верхом и (Умрихин теперь ясно это увидел) смотрел на него, насмехаясь взглядом и как бы приглашая вновь померяться возможностями. Только вот с кем? Умрихин вдруг подумал, что борется, похоже, сам с собой. И надо было действовать не так. Рассказал бы жене,

они бы придумали что-нибудь...

Но теперь для такого разговора не было сил. Жена, как показалось Умрихину, слегка уже встревоженная, тянула его, все же, к себе, и он, по инерции скрывая правду, не отказался.

Дождь, стучавший весь вечер по подоконнику, прекратился. Светила луна в окошко. А происходившее в спальне все больше погружалось в туман. Еще несколько раз совершалась однообразная процедура, и Умрихин уже не знал, откуда берутся силы. Жена была напугана, она несколько раз всплакнула, несколько раз принималась отталкивать его, но все повторялось с фатальным однообразием. Сил думать не было.

Вскоре после очередного появления незнакомца, когда Умрихин чисто механически, не отдавая себе отчета в своих действиях, потянулся к жене, тот не исчез. Теперь он был сильнее Умрихина, и намного. Оттолкнув его, неизвестный остался на своем месте. Умрихин посмотрел на него, с трудом держа голову на весу, и, не справившись, упал щекой на подушку. И сразу уснул.

Просыпаясь несколько раз в темноте, он слышал возле себя слабые крики жены, но не понимал, что они значат, и засыпал вновь. А проснувшись утром, увидел вокруг поле. Моросил легкий дождь. Горизонт был скрыт туманом. Торпин лежал на мокрой траве и пытался понять, кто он и где находится. И почему сознает себя и Торпином, и еще каким-то

Умрихиным одновременно. И что за воспоминания ускользают и ускользают от него, так, что он знает о их существовании, но открыть и прочесть этот конверт не удастся.

Вечером к Татьяне Весельчук заехал Грехов, ее давний знакомый. Общение их всегда походило на деловое: пили чай, говорили. Иногда, правда, возникала в разговоре непредусмотренная заминка. В тишине комнаты слышалось тогда ровное тихое жужжание, какое бывает на трансформаторных подстанциях, а между Греховым и Татьяной проскакивали с треском фиолетовые разряды. Но ни к чему опасному это еще не приводило.

Грехов был женат. Татьяна хорошо знала Греховскую супругу: та ходила к ней на платные лекции слушать метафизические рассуждения.

– Настоящий Липтон, – сказала Татьяна, ставя на стол поднос с дымящимися чашками и печеньем.

Грехова всегда удивляла эта фраза, обязательно предшествовавшая чаепитию у Татьяны, и он часто хотел спросить ее: а в других местах не настоящий разве? Но каждый раз сдерживался. Это было не главное.

– Знаешь Умрихина? – спросила Татьяна, садясь за стол напротив него.

Грехов пожал плечами и отпил из чашки.

– Ну это такой замедленный, женат на подружке твоей Ляли. Они вместе ко мне в группу ходят.

Татьяна никогда не упускала возможности напомнить

Грехову, что его жена ходит к ней на занятия. Он вздохнул, но промолчал.

– В общем, жена этого Умрихина попросила посмотреть, что с ним. И я его лечила...

Грехов усмехнулся. Теперь уже Татьяна вздохнула и поджала губы. Грехов, считавшийся опытным колдуном, вчистую отрицал энергетическое целительство и признавал лишь хирургию. Это был парадокс в их кругах, где к медицине относились скептически. Но он так же парадоксально вызывал Татьянино уважение, хотя она в этом никогда бы не призналась.

– ...лечила, – продолжила она упрямо, – и получилась какая-то непонятная штука. Он видел фрагмент компьютерной игры.

На этих словах она замолчала и стала пить чай, потупив глаза. К концу чашки Грехов спросил:

– Ты словами можешь объяснить? История-то скверная. И никакая это не компьютерная игра.

Он сидел, опершись локтями о стол, и смотрел на скатерть, словно изучая ее.

– Игра, я проверила. А у него забит сексуальный канал, – сказала Татьяна. – Кого там только нет. От мамы до случайных впечатлений. Все забито.

– Чистить надо.

– Чистила. Его энергией.

Грехов взглянул на нее исподлобья, приподняв бровь.

– Сейчас я тебе покажу, – сказала она.

Они оба, замолчав, закрыли глаза.

– Нет. Это не его энергия.

– А чья же?

– Твоя.

– Сере-ежа... – самолюбиво засмеялась Татьяна. – Ты кем меня считаешь...

– Твоя, твоя, – сказал он. – Вон та вон дуга... в квадрат вписана. Я ее часто у тебя замечаю.

– Моя дуга не может попасть в квадрат! – возмущенно возразила она.

Грехов некоторое время смотрел на нее, осмысливая сказанное, потом все же сказал:

– Элементарно.

– Да ты что!.. Сережа!.. Я думала, ты специалист, а ты вон как...

– Подожди, – миролюбиво произнес Грехов. – Давай сегодня, ну... в три часа. Ровно. Посмотрим.

– Хорошо, – сразу кивнула Татьяна. – Договорились.

Дальше разговор смялся. Будто на колдобину наехали. Грехов попросился и ушел. А в три часа ночи она уже лежала на диване, том самом, где этим днем по-кабаньи визжал Умрихин, и ждала, когда объявится Грехов.

Он появился сидящим в позе лотоса – прилетел, крутясь и покачиваясь, как летательный аппарат. Конечно, это было лишь Татьяниним впечатлением, но уж как видела, так ви-

дела. Главное, что прилетел.

Она не знала никого другого, кто мог бы так свободно лазить по времени во время медитаций, поэтому работать с Греховым было удовольствием.

– Ну, – сказал он. – Давай смотреть. Вспомни, как было.

Татьяна сосредоточилась на недавнем сеансе. Быстро промелькнули воспоминания, захватив и сбежавшее вечером из кастрюли молоко, но в основном картина восстановилась: комната, Татьяна лечит.

– Вот, смотри, – сразу сказал Грехов. – И еще смотри, вон там.

Он показывал в угол комнаты. Там стоял человек... темный силуэт, неподвижный. Он был окружен легким светящимся облаком того же цвета, что и энергия, которую Татьяна гнала по сексуальному каналу Умрихина. А ближе к ней, за ее спиной, оказался и второй, в каких-то обносках, с виду страшноватый. Она вдруг похолодела и чуть не потеряла картинку. Над ней, Татьяной, работающей в тот момент с Умрихиным, висел символ, о котором они говорили с Греховым. Дуга, заключенная в квадрат.

– Как это?.. Кто это?.. Почему же я этого ничего не видела? – в отчаянии спросила она, и картинка пропала. А сама Татьяна, дернувшись всем телом, ощутила себя на диване в своей одинокой, темной и даже мрачной сейчас квартире. Она посмотрела в тот угол, где Грехов обнаружил постороннего. Сейчас там, конечно, никого не было, но Татьяну

охватил страх. Болела голова. Так было нельзя, поэтому она закрыла глаза и постаралась вновь отыскать Грехова.

Долго в темноте мелькали светящиеся пятна, свербила головная боль, но вот он снова возник в круге света.

– Кто же это? – спросила Татьяна снова. – Какой-то кошмар. Тогда я никого не видела.

– Давай думать.

Возник стол, два стула, чашки с чаем.

– Настоящий Грехов, – пошутил Грехов, показав на чай. – Не какой-нибудь Липтон.

– Не буду тебе больше чай давать, раз ты так.

– Ну а чего... Плоть и кровь, – сказал Грехов. – Я же у тебя дома ем. Впрочем, дело добровольное.

Чашки и печенье пропали.

– Верни. Съем.

– Давай лучше делом займемся, – сказал он. – Съесть меня ты еще успеешь. Что это за энергия?

– Я вышла на его высших... Мне показали.

– Ты ему в сексуальный канал закачала неизвестно что. Чужую сущность. Того, мрачного, за твоей спиной.

– Мне показали, – упрямо твердила Татьяна.

Но Грехов был не тот человек, чтобы смягчать или замалчивать свои предположения. За что и нравился Татьяне, хотя терпеть от него приходилось многое.

– Давай посмотрим, – сказал он и будто пощечину влепил: – Сама не знаешь, что делаешь, да еще и других за со-

бой тащишь.

Татьяна смолчала. Но сколько они ни смотрели, увидеть ничего не удалось.

– У кого же ты спрашивала?

Она снова чувствовала приближение испуга, но старалась пустить его стороной, чтобы не мешал. Вошла в состояние медитации перед лечением Умрихина. Возникла энергия, как светящееся небо. Появилась и янтра, квадрат с дугой внутри. Хвостики дуги были загнуты вверх.

– Вот, – сказала Татьяна.

– Смотри еще.

Она упорно искала, хотя даже намека на разгадку не было. Только цвет. И вдруг, без всякого логического перехода, поняла, что искать нужно в прошлом. Всплыла в памяти фраза, произнесенная лежавшим на диване Умрихиным: «Дуга времени». И не только всплыла, а зазвучала подобно колоколу.

– Что за дуга? – спросил Грехов.

– Не знаю, – прошептала она.

А картина уже менялась. Вокруг возник лес. Наступали сумерки, деревья качались от ветра. Впереди, в темноте, виднелся забор, за ним – дом. Деревянный. В доме светились окошки. Послышался стук копыт. Всхрапнул конь.

– Ой!.. – сказала вдруг Татьяна. – Ой!.. Это же... Я знаю, что это!..

Мимо проехала женщина верхом на крупном, темной масти коне. Это было уже в стороне, на белевшем от пыли про-

селке, который тянулся, петляя, вдоль кромки леса. На этом картинка потускнела и пропала.

Татьяна лежала на своем диване, глядя в потолок.

– Кедр, – сказала она вполголоса. – Это же Кедр, точно. Ой, надо же!.. Лет двадцать прошло. Нет, больше даже. Или меньше?..

Она хотела быстрее рассказать Грехову про этот дом в лесу, напомнивший ей о самом непонятном приключении молодости, а может даже и всей жизни, но из-за навалившейся усталости не могла сразу вернуться. Собиралась с силами. Вдруг почувствовала, что Грехов тоже устал и хочет, чтобы она это услышала. Она послала ему мысленное согласие не возобновлять сейчас медитацию, и как лежала, так и уснула.

А проснулась только днем.

Торпин привык не ходить, а бегать. Так быстрее и приятнее. Поэтому жена Умрихина неслась теперь по улице большими скачками, широко раздувая с непривычки ноздри и с любопытством озираясь по сторонам. Ее интересовало все.

Светила здесь ходили по небу как заводные, одним и тем же маршрутом изо дня в день, и ничто в этом пространстве не могло задержать их на одном месте. Но и на людей они, казалось, не влияют, если не считать смены дня и ночи. Механизмы, ездившие по улицам, были просты и понятны, вибрации в воздухе носились грубые, а сам воздух был тяжел. Но ей тут нравилось. Запах свободы чудился повсюду.

Только не все было привычным, не все ладилось. Поэтому в моменты опасности сознание Торпина переходило в другую половину, ждавшую где-нибудь в спокойном месте. Так и сейчас, заметив назойливость странно одетого существа за своей спиной, Торпин вспомнил про Умрихина, а Светлане предоставил использовать рефлекс и опыт жизни, чтобы успокоить пространство.

Она сразу перешла на шаг и, восстанавливая дыхание, несколько раз подняла и опустила руки. Так, как делают спортсмены на тренировках. Гнавшийся за ней милиционер с топаньем обогнал ее и остановился, подняв указательный

палец.

– Ну?.. – спросил он, тоже задыхаясь от бега. – И что же... ты убежала?

Светлана пожала плечами: разве нельзя убежать? И улыбнулась, склонив голову к плечу и глядя на милиционера искоса. Он окинул взглядом ее плащ, длинную юбку, сапоги на каблуках и строго произнес:

– Так... тренируемся. Паспорт ваш покажите...

Голос его затих и пропал в шуме машин, несшемся из форточки. Умрихин неподвижно сидел перед выключенным телевизором. Ощувив себя пином, улыбнулся, вскочил и скакнул к входной двери.

Однако на улице сбавил темп. Здесь, в этом пространстве, Торпин все чаще замечал собственную усталость. Особенно в Умрихине. Незнакомое и неприятное ощущение и сейчас вынудило перейти на шаг.

Возле ближайшего магазина внимание его привлекла женщина, худая, но с отчетливо просматривавшимся признаком системы раздвоения. Волосы ее были рыжие, коротко стриженные. Умрихин испытал странное влечение к этой особи. Подошел, заглянул в глаза. Женщина покосилась на него и отвернулась. Умрихин снова зашел и встал перед ней.

– Ну чего? – спросила она вдруг. – Отвали.

Хотя говорила она грубо, он не испытал раздражения. Наоборот, пододвинулся еще ближе.

– Да ёлки-палки!.. – воскликнула женщина. – Отвалишь

ты?.. Эй, Коль!.. Иди сюда скорей! Тут какой-то хмырь тебя спрашивает...

С трудом оторвав взгляд от женщины, Торпин вынужден был вернуться в Светлану. Запутанность людских отношений коробила его. Пусть разберутся.

Вдали затих и потерялся незнакомый мужской голос, а Торпин уже стал Светланой. Она быстро шла по улице. Оглянувшись, увидела того самого милиционера. Он был теперь сзади и что-то говорил ей вслед. Решив не искушать судьбу, Торпин метнулся обратно.

Возле магазина рыжей женщины он уже не увидел. Да и сам оказался совсем не на том месте, с которого удрал. Незнакомый человек с лопатообразным носом тащил Умрихина за шиворот в подворотню, обещая оторвать контактный выход его драгоценной, с таким трудом добытой системы.

Это было опрометчивым решением со стороны незнакомца. Если бы что-то другое, Торпин, может, не стал бы вмешиваться в тонкости неизвестных ему людских отношений. Но узнав о намерении покуситься на главное, пин собрал все силы слабого Умрихинского организма и для начала реванул боевой сигнальный клич первопроходца. Незнакомый человек разжал пальцы. Пин повернулся к нему лицом, оскалил зубы, собираясь сражаться тем, что имел в наличии, и принял стойку, в которой одолел однажды голыми руками дикого пильпангского кабана.

– Ты чего, бать?.. – упавшим голосом спросил незнако-

мец. – Я ж это так... порядок такой.

Принципиальной победы Торпину было вполне достаточно. Он крикнул еще раз, подражая поверженному когда-то кабану, после чего противник побежал. А победивший пин, забыв про усталость, кинулся во двор, где постарался вновь стать Умрихиным. Забившись в закуток за гаражом, он погружился в размышление.

Так прошло минуты две. Пины долго не думают, поскольку природа их – быстрая реакция. Умрихин вылез из щели между гаражом и бетонным забором, огрызнулся на приставания малолетних, игравших тут в войну, и потрусил исполнять план, который составил, сидя в тесном убежище.

План этот заключался в слиянии двух половин и достижении таким образом еще большей степени свободы. И Торпин прыгнул в Светлану.

Там царило неведомое удовольствие, которого пин еще не достигал. Какой-то незнакомый человек держал ее за плечи и шептал на ухо, и это было неожиданно приятно.

Надо сказать, что Торпин старался, и неоднократно, повторить свою первую совместную с Умрихиными ночь. В тот раз между супругами кипела энергия, которую Торпин сам и спровоцировал, сам и поглотил всю без остатка, после чего просто вышвырнул тех двоих людей подальше. Но повторить успех не удавалось.

Позже он догадался, почему. В тот первый раз Умри-

хин с женой являлись совершенно разными существами, теперь же это был один и тот же Торпин, хотя и с двумя вариантами организма. Но, видимо, вожденная система отличалась от всего прочего. Она единственная напрямую зависела от личности.

Так вот, план заключался в том, чтобы подыскать каждой половине партнера.

Этот новый человек нравился Светлане. Хорошо, его и надо испытать.

Однако непонятная человеческая природа вновь огорчила Торпина. По пути к дому Умрихиных путь им пересекла громоздкая женщина и стала громко выражать недовольство. Естественной реакцией, которую ощутил в себе Торпин, было не воевать, а отмолчаться. Это была реакция Светланы, и он не стал проявлять свою волю, доверившись ее инстинкту и опыту.

Новый человек тоже отмалчивался, и даже тогда, когда женщина пообещала, подобно незнакомцу в подворотне, оторвать и ему контактный выход системы, он особенно не протестовал. Озадаченный Торпин подумал, что, возможно, это не такое уж редкое явление в здешнем пространстве. И что надо проверять кандидатов, не оторвано ли уже у них искомое средство. Сосредоточившись на новом человеке, он убедился, что у того все на месте. Но его решительно увела напавшая женщина.

Надо было спешить. Все чаще вспоминался преступно-

му пину Хозяин. Подобно грозовой туче, он начинал заявлять о себе издалека. И Торпин вновь переместился в своего Умрихина, как в другую машину пересел.

А настоящий Умрихин шел на четвереньках по мокрой серой траве. Встать на ноги мешала тяжелая одежда и огромный тесак на толстом ремне, перекинутый через плечо. Избавиться от тесака он не решался, одежда же, хоть и промокла, была его единственной одеждой.

Теперь он с радостью продавал бы бюстгальтеры, не помышляя ни о чем другом, если бы можно было таким путем вернуть внезапно утраченные комфорт и безопасность. Постепенно восстановив память, Умрихин ужаснулся. Какой-то страшного вида призрак напал на него в постели, завладел женой, а самого Умрихина вытеснил сюда. В том, что это дело рук призрака, он не сомневался. Видел, как все было. И даже поначалу здесь сознавал себя каким-то Торпином. Но потом вспомнил, кто он.

В тумане, окружавшем его со всех сторон, раздавались время от времени нечеловеческие крики и рев. Несколько раз уже Умрихин предполагал, что умер и находится в аду. Однако небольшая надежда тлела в нем, мешая окончательно поверить в ужасное. Например, в аду, по его представлениям, должен быть огонь. Здесь же сырость и вода. Правда, если вспомнить Данте... Но Дантовский ад – все же произведение художественное, успокаивал себя Умрихин. А тут – вот оно, вокруг. Реально. Возможно, все-таки не ад. Хотя,

думал Умрихин, если не ад... то что же тогда? Почему-то другая перспектива не казалась ему реально возможной.

Ко всему вдобавок вокруг него все время плавала, то ныряя, то вновь всплывая на поверхность, Светлана. Этого он вообще понять не мог, однако это так и было. Словно помимо поля здесь еще была и вода. Только видел он ее как бы внутри себя. Один раз он спросил Светлану, что это значит, и та ответила, что она русалка. Больше он вопросов ей не задавал и вообще думать на эту тему отказывался. Просто вот нет ничего такого, и все тут. Будто не замечает. Но она все плавала и плавала, мешая думать.

Продолжалось это бесконечно долго, а закончилось вдруг. Умрихин увидел перед собой чьи-то ноги. Поднял голову. В мокрой траве стоял огромный человек в коричневом плаще и бесформенной шляпе. Он возвышался над Умрихиным как гора. Подняв руку, произнес:

– Идём.

Умрихин никуда не шел, однако же оказался в светлой комнате с длинным столом посередине. За столом сидел бородатый человек и ел из миски вареную картошку. В дверь заглядывал белый козел с длинной шерстью, тоже что-то быстро пережевывая. А у стола протирал полотенцем тарелки человек неприметной внешности, в рыжей потертой безрукавке.

– Ну как? – спросил он.

Умрихин не знал, что на это ответить, и потому молчал. Человек усмехнулся.

– Того, кто вас привел, зовут Кадарпин. Это вот Пинпин. – Он показал рукой на козла, и в глазах у того Умрихин прочитал вдруг глубочайшее презрение к себе, отчего смутился, хотя не в его положении было беспокоиться о такой ерунде, как мнение какого-то козла. – А это...

Человек в безрукавке показал было на бородача за столом, но, поколебавшись, махнул рукой: не так важно.

– Ну вот, в общих чертах я представился. А вы?..

И человек стал ждать, чем ответит Умрихин.

– Я... Умрихин, – сказал тот хриловато, отвыкнув уже разговаривать. Перед его глазами мельтешила Светлана, и он махнул рукой, пытаясь загнать ее себе за спину, чтоб не мешала.

Человек в безрукавке кивнул удовлетворенно, словно получил важное сообщение.

– Очень хорошо, – сказал он с чувством. – Это очень хорошо, что вы – это вы. В таком случае, я – это я. А вот это – тоже я.

И он показал на бородача, который исподлобья поглядывал на Умрихина, продолжая жевать плотно набитым ртом.

– Видите ли, – заговорил он снова, когда Умрихин, слегка одуревший от всего увиденного, загнал-таки расшалившуюся супругу себе за плечи и мог слушать дальше. – Если бы вы представились сейчас Торпином, это означало бы очень

серьезный пространственный конфликт. Но раз вы вполне себя сознаете, то дело поправимо. Вполне поправимо.

– А... вот она, – Умрихин показал пальцем на вновь мелькнувшую с легким смехом перед его глазами Светлану. – Это что?

– Ну вы же сами на ней женились, – серьезно ответил человек в безрукавке. – Да она нисколько вам и не мешает, не считая баловства. Русалка, что с нее взять... С женщиной было бы труднее.

Он положил в стопку вытертых тарелок последнюю, кинул сверху полотенце и направился к двери, словно бы вдруг забыв о существовании Умрихина. Тот взволновался.

– Уважаемый! – крикнул он вслед этому неприметному человеку, который явно был здесь хозяином. – Уважаемый!.. А как же я?..

– А что вы? – спокойно переспросил тот, подойдя к приоткрытой двери, из которой с выражением бесконечной преданности в глазах смотрел на него непрерывно жующий белый козел. – Сейчас мы тут поправим кое-что... Ну, займет это некоторое время. Но вас-то волновать ничто не должно. Для вас все кончено. Вас мы сейчас по синусоиде сплавим – и порядок.

– Как это «по синусоиде»?.. Куда сплавите?.. – похолодел Умрихин.

В нем шевельнулось смутное воспоминание, наполовину стертые обилием новых впечатлений.

– Ну... по синусоиде времени. По дуге. Не слышали разве?.. Вот вы здесь, и вот уже там. Заново и начнете.

– Но я не хочу!.. – воскликнул Умрихин, полный ужасных предчувствий. – Что же это все такое-то?

– Как «что»? – вежливо спросил человек в безрукавке. – На вас напал беглый пин. Такое возможно где угодно.

– Пин? – переспросил Умрихин дрогнувшим голосом. – А почему... на меня?..

– Ну это уж я не знаю, – просто ответил человек. – Не все ведь в нашей воле. Пин – существо простое, умом не страдает. Он сразу чувствует, что можно, что нельзя... То и делает. Вот на вас можно было напасть, он и напал. Заслужили вы чем-то его внимание. Да и так ли это важно вам сейчас?.. Важнее решить, что дальше делать. Ведь вы же, в некотором роде... уже не там.

Человек в безрукавке неопределенно показал куда-то пальцем и подождал, как среагирует на это Умрихин, но тот только глотнул сухим горлом.

– Тогда... если вы мне доверяете, конечно... – продолжил он. – Думаю, доверяете. Выхода другого у вас нет... Так вот, должен правду вам сказать. Немного изменится судьба ваша.

Умрихин похолодел еще больше, почти до тошноты. Ему стало страшно, словно приблизилось в этот миг нечто невыразимо потустороннее. Что вытерпеть человеку почти невозможно.

– Так это... что же?.. – прохрипел он, словно удушае-

мый. – Значит, это... ад?

– Ад? – удивился человек в безрукавке и огляделся. – Ну... не знаю. Что уж вам непременно в ад-то хочется?.. Считайте как хотите, впрочем. Дело деликатное, тут я вам не советчик. Это, вообще-то, лаз. Дыра такая межпространственная. Без нее никак не пройдешь, конца-края не будет, далеко слишком. По дуге времени тоже, знаете, свои неудобства есть... А тут раз – и готово. Ведь лучше же так, верно?

Слова не получились, поэтому Умрихин булькнул горлом и кивнул.

– Ну, папа-мама у вас те же будут, без них вам собой не стать, – продолжил хозяин, подождав немного. – Но вот эта фамилия, она не совсем ваша, нет. Папашу-то Панюрин звали. Это уж они там накрутили, понимаете... Поссорились не вовремя, и пошло-поехало. Ей бы с трамвая тогда спрыгнуть, самое удобное, это все бы и решило разом. Ну да теперь попробуем поправить дело... Тогда уж вы со своим родным папой детство проведете, все как полагается. И дальше от вас зависит... Что сможете, то получите. С образованием высшим, правда, трудней теперь будет. Зато спорт, друзья веселые... ну, выпить любят, но так нету же идеальных людей, верно?.. И характер ваш не такой занудный станет. Характер-то ведь от папаши.

Человек в безрукавке, исподтишка, но внимательно наблюдавший во время своей речи за Умрихиным, уже еле державшимся на ногах от ужаса и не понимавшим ничего ни

про трамвай, ни про родителей, усмехнулся.

– Да вы не заходитесь так-то уж. Я еще немножко скажу, и ладно. Фамилия ваша, значит, будет Панюрин, как вы поняли. Повеселей немножко звучит, чем теперешняя, согласитесь. Вам же лучше... Да, а русалочка ваша снова вас изловить постарается, нравитесь вы ей, несмотря ни на что. Уж постарайтесь ее узнать там, с другой не спутайте. Ну... вот. Не переживайте, перемены-то небольшие. Других и не так еще крутило. И вот еще что. Все это вот, – он показал взглядом вокруг, – даром не проходит. Связь с Пильпангом останется. Особенно... как это по-вашему?... семьдесят?... нет, восемьдесят. Восемьдесят какой-то год вашего календаря. Вот тогда.

Он усмехнулся, помолчав.

– И как вы эти годы запоминаете?... Цифрами, да еще по порядку. Ну да дело ваше... Так вот, это время соответствует тому, когда пин к вам впервые проник. Может и вас немножко тогда поволновать, потрясти. Ну да если все гладко пройдет, то и ничего.

– А... если не гладко? – пересохшим горлом спросил все-таки Умрихин. – Опасно это?..

Человек в безрукавке подумал и ответил буднично:

– Всякое может случиться. Так ведь кто за вас жить-то станет? Вот сами и живите. Все удовольствие в неизвестности. Да и что вам сейчас-то уж о безопасности говорить. Смешно даже. На себя посмотрите... Да. Что еще такого важного?..

Мамаша ваша станет-таки Умрихиной, а вы нет. У нее вторым мужем будет ваш отчим теперешний. Это фундамент. Ну, а остальное – мелочи. Сами собой подтянутся. Ну вот... Теперь что надо знать, вы знаете. И все так и будет.

– И что, все запомнить надо?.. – спросил совершенно растерянный от обилия пугающих сведений Умрихин.

– Ничего не надо. Все уже, считайте, есть. Раз попали в переплет, так примите и последствия... Это ведь не я вам накрутил. Я только рассказал, что вижу.

Тут человек в безрукавке улыбнулся, поднял приветственную руку и вышел из комнаты.

Сильный удар хвостом по воде привел Умрихина в чувство. Ему казалось, что он еле выдержал напряжение разговора с человеком в безрукавке, хотя тот говорил спокойно и доброжелательно. Но когда плеснувшая вода обдала его с ног до головы, началось нечто еще более удивительное.

Время пошло назад, все быстрее и быстрее. Умрихин видел картинки, каждая из которых содержала целый эпизод его жизни, и они мелькали, сменяя одна другую. Он просто смотрел, не пытаясь что-то осознать и замечая только, что промелькнула молодость, студенчество, детство. Замелькали какие-то карапузы, коляски, пеленки... И Умрихин перестал быть Умрихиным.

Он увидел смутно знакомое лицо девушки, стоявшей на подножке трамвая. Всмотревшись, понял вдруг, что это его мать. Только очень, очень молодая. Притворно хмурясь, она говорила белобрысому парню, который оставался на тротуаре:

– А почему ты вообще решил, что я перед тобой отчитываться должна?.. Куда хочу, туда и иду.

Парень (это был его отец, в чем тот, кто смотрел сейчас на происходящее как бы со стороны, тоже не сомневался, хотя совершенно его не помнил) хотел ей возразить, что было заметно по его лицу, но то ли не решался, то ли не находил

аргументов. Он растерянно пожал плечами, и трамвай двинулся с места, оставляя белобрысого позади, что выглядело совершенно нормальным развитием этой странной, неизвестно откуда взявшейся сценки.

Вокруг был туман, густой, непроницаемый. Но в стороне, куда направлялся трамвай, начали возникать, проявляясь все ярче и ярче, силуэты каких-то людей, зданий и даже животных. А парень быстро стал теряться в тумане. Уже казалось, что он так навсегда и останется там, позади.

И вдруг что-то неуловимо изменилось. Девушка, оглянувшись, сказала вдруг с досадой: «Да что ж ты стоишь, дурак-то какой», и прыгнула на ходу, оступившись и чуть не упав при этом, а он кинулся к ней с вытянутыми руками, чтобы поддержать. Станным образом все возникшие вдалеке видения при этом пропали. Но туман не рассеялся.

Вначале был сон. Интересный сон.

Это был интересный сон. Сквозь него слышался шум машин на улице и голоса прохожих. Ярослав Панюрин, пришедший домой на рассвете жаркого августовского дня, морщился и хмурился от светившего в лицо солнца, но ни повернуться на другой бок, ни закрыть лицо не мог: слишком тяжело давалось каждое движение. Только лег, вот только сейчас. Закрыв глаза и почти сразу открыл. И все. Это что, отдохнул называется?

А теперь вставать. Ох, как тяжело. Что же тяжело-то так? Сразу вылезло из памяти вчерашнее: был у друзей. Вот почему так тяжело. У кого же? А, у Боба. Или это Боб с ним у кого-то был? Нет, он у Боба. Посидели-выпили.

Пора была вставать и идти на работу.

Но вместо этого, с трудом продрав глаза, Ярик Панюрин принялся оглядывать комнату. Что-то тут было не так, что-то озадачивало его. Но что?

Вроде, все привычно, обыкновенно. Стены оклеены обоями в фиолетовую полоску. Это первое, что бросалось в глаза любому сюда вошедшему – обои. Адаптироваться к ним было нельзя. Все, кто сюда заходил, рано или поздно начинали недоуменно коситься на стены: как в цирке у клоуна. И цвет

слишком яркий, и полосы слишком широкие, и расстояние между ними какое-то ненормальное. Все так и тянет к себе внимание. Противоречит и логике, и вкусу. Можно сказать, что обои были главным элементом его квартиры. Мать клеила. Специально, наверно, по всей Москве искала такие. Чтоб как гвоздь вбить, чтоб уж наверняка.

Ярик недовольно засопел. Уж эта мать. Ладно, фиг с ними, с обоями. Может, чего другое странное не заметил?.. Он даже привстал на локте, заглянул куда мог. Да нет, ничего, все нормально. Ботинки валяются, брюки... кинул на стул, но не попал. Поднять бы надо. И снова его взгляд попал на обои. Переклеить, что ли? Потом, конечно, не сейчас.

Он скривил лицо и рухнул обратно на подушку. Нет, делать что-то противоречащее здравому смыслу он не станет. Есть обои – и ладно. Зачем клеить, если уже есть? Пусть даже такие. Он себе не враг.

Лежать на спине было правильно. Виден только потолок, никаких поэтому лишних мыслей. Никаких обоев. Это точно из-за них такое странное ощущение возникало. Точно, точно...

Постепенно он смог переключиться с обоев на что-то еще. Квартира эта осталась ему от отца. Тогда мать уже переехала к своему второму мужу. Давно это было, очень давно. В Союзе еще. Тогда нельзя было иметь две квартиры. Если в одной прописан, другую отдай. Вот так. Иначе мать царила бы

и здесь, и там, и жизни не было бы. Уж он-то свою мать знает. Они сильно поссорились тогда, она не могла смириться с происходящим помимо ее воли. И вот однажды приехала, когда Ярика не было дома, и налепила эти обои. Доказывала, кто здесь настоящий хозяин. Наверно, ей специально везли откуда-нибудь... спецзаказ. Ярик не мог представить, чтобы такие обои делались серийно. Точно, точно, заказ... Для подрывной работы на территории противника. Хотел он после этого даже ключ у нее забрать, а то приедет вот так и еще чего-нибудь тут смастерит. Но как-то неудобно все же у матери отбирать. Оставил.

Однако странное чувство, преследовавшее Панюрина с момента пробуждения, вновь заставило его приподняться на локте и оглядеть комнату с растущим недоумением. Он честно старался сосредоточиться на этом неведомом беспокойстве, но фиолетовые обои снова завладели его вниманием. Вокруг были стены, а на стенах – они, медали. Панюрин, сопя, перевел взгляд куда-то вверх. Там, над диваном, где он лежал, поверх обоев висели его спортивные медали и грамоты разного достоинства – за первенство Союза, России, Москвы, Столыпинской конноспортивной школы, еще всякие. Это был набор для девушек, которые все равно не разбирались в них, поэтому награды висели все вместе – и ценные для Панюрина, и так себе. Но количество впечатляло, что и требовалось в таких случаях. Тут он раскрыл рот и за-

мер. Вот что мешало ему жить и думать этим утром! Медали!

Ярик сразу забыл про обои и округлил глаза. В голове у него ясно оформилась мысль, что никаких медалей у него давно уже нет. Но почему?.. Он наморщил лоб, вспоминая.

Может, потому, что однажды приезжал Боб... в гости. Хотел выпить. Точно! Так и было. Что для друга не сделаешь... Сразу ясно вспомнился Боб, долговязый, со своей обычной улыбкой, продающий его медали на Новом Арбате перекупщику. Точно, так и было. Ярик вздохнул. Деньги кончились, спортивные подвиги давно в прошлом... В общем, продал и продал.

Магическое слово шнапс.

Не так это сейчас было важно. Главное, что продал. И пропил тогда же вместе с Бобом, про которого все давно знали, что он гипнотизер и алкогольный экстрасенс. Еще и не такие вещи пропивались, когда приходил в гости Боб. И звали его акулой за это самое потрясающее чутье насчет «шнапса» – где и когда можно выпить. Это был Боб, вежливый и мягкий в общении, но обладавший постоянной почти мистической уверенностью, что шнапсом жизнь его не обнесет никогда. И этого действительно никогда не случалось.

Панюрин встряхнул головой и Боб временно выпал оттуда, позволив снова подумать о главном: медали. Откуда они взялись? Прилетал волшебник и повесил обратно? Нет, нет.

Все это с перепою ему почудилось. Утро лирических размышлений – то обои в глаза лезут, то вот Боб вспомнился. Сейчас вот посмотрит – и нет там никаких медалей. Панюрин испуганно улыбнулся сам себе и вновь поднял глаза на стену над диваном, надеясь, что там ничего нет. Но оно было.

Ярик осторожно приподнялся и снял ближнюю. Командное первенство России. Как бы золотая. Он был в запасе, не выступал. Но медаль прилась очень кстати, показывал ее потом девушкам с особым удовольствием. Большая, на самом видном месте повесил. Сейчас, однако, Ярик изучал ее почти с ужасом, осторожно рассмотрел большую стилизованную единицу, потом повернул другой стороной и внимательно изучил изображение прыгающей лошади.

Что было особенно удивительно, с этого момента время пошло назад, то есть теперь уже вперед, нормально, и он снова узнавал целые эпизоды, которые не вспоминались годами, но теперь вот выплыли из глубин памяти. Это был интересный сон.

Пока он разглядывал стены, из передней донесся щелчок замка, стук входной двери и характерные звуки, в равной степени и знакомые, и неприятные Панюрину. Он устался в пространство и слушал. В этих звуках угадывались каблуки, сумки, шуршание целлофановых пакетов в этих сум-

ках, какой-то особый треск расчесываемых перед зеркалом волос, после этого один-два сухих шмыга носом, для чего левая щека прижималась пальцем, так как нос был кривой и потому сам шмыгал лишь вполсилы. За шмыгами последовали непродолжительный вдох-выдох, как перед выходом на ковер для борьбы, и затем твердые и одновременно насто-роженные шаги.

Принадлежали они женщине уже пожилой, но полной желания вмешаться во все, что делает Панюрин, и все переделать как надо, то есть, по-своему, то есть, не так, как делает он. Услышав эти шаги, Ярик сразу пришел в себя и перевел на дверной проем, ведущий в переднюю, уже вполне осмысленный взгляд. Это была его мать.

Она вошла и встала посреди комнаты. На ней был серый брючный костюм и черные ботинки на высоком и крепком каблуке. Она озиралась вокруг с таким видом, будто оказалась на помойке. Панюрин проследил за ее взглядом – да, конечно... не убрано. Настроение его сразу упало гораздо ниже того уровня, где оно было никаким – то есть, стало скверным.

– Я не понимаю, что происходит, – сказала она сухо. – Уже десять часов, ты спишь... Рабочий день сегодня. У тебя не так?

– Ты бы звонила в дверь, что ли, – ответил Панюрин с дивана.

У него вновь появилось такое чувство, словно видит ее

впервые. Решив, что и это со вчерашнего, он подумал, что не припомнит дня, когда ему хотелось бы ее видеть, и то, что они не здороваются, даже и лучше.

– Я не понимаю, – повторила она, опустив свои сумки на пол посреди комнаты, где стояла, и разводя руки ладонями вверх. Продержав их так некоторое время и не получив ответа, она продолжила: – Ты мне скажи, ты собираешься быть человеком?.. Или ты так и будешь лентяем и бездельником?..

– Мать, – сказал Панюрин. – Иди кофе выпей на кухне. Если найдешь. Мне встать надо.

С саркастическим выражением на лице она вышла из комнаты, а Панюрин встал и отправился в ванную. Когда он вернулся, мать уже пила кофе в комнате, сидя за столом.

– Нашла? – удивился он.

– Нет, конечно. У тебя даже сахара нет. Это я Сергей Сергеичу кофе купила. Тебе налить?

– Нет. У меня и без кофе башку ломит.

Панюрин сел на диван. У него еще и спину ломило от того, что спал неудобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.